

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 19

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский

Москва 2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Европа от Латена до Средневековья:

варварский мир
и рождение
славянских культур

К 60-летию А.М. Обломского

Москва 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
Е24

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук В.Е. Родинкова
кандидат исторических наук О.С. Румянцева

Рецензенты:
доктор исторических наук А.Е. Леонтьев
кандидат исторических наук О.А. Щеглова

Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур:
К 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир. Выпуск 19). – М.: ИА РАН, 2017. – 336 с.: илл., цв. вкл.

В сборник, посвященный юбилею А.М. Обломского, вошли статьи публикационного и аналитического характера, имеющие широкий хронологический и территориальный охват: от эпохи Латена до раннего Средневековья и от Нижней Эльбы и Прибалтики до Средней Волги, Крыма и Подунавья. Авторы, представляющие научные центры России, Украины, Белоруссии, Польши, Сербии, Германии, рассматривают проблемы происхождения и развития ряда археологических культур Восточной и Центральной Европы, особенности их памятников и вещевого комплекса. В научный оборот вводятся новые материалы, расширяющие источниковую базу изучения культурно-исторических процессов в Европе в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Europe from the La Tène period to the Middle Ages: The barbarian world and the birth of the Slavic cultures. On the occasion of the 60th anniversary of A.M. Oblomsky (Early Slavic world, Issue 19). Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2017.

This book dedicated to the 60th anniversary of Andrey M. Oblomsky comprises publications and analytical papers. It covers a wide chronological and geographical range from the La Tène period to the early Middle Ages and from the Lower Elbe River and the Baltics to the Middle Volga, the Crimea and the Danube Valley. The authors represent scientific centers of Russia, Ukraine, Belorussia, Poland, Serbia, and Germany. They dwell upon the topical issues concerning the origins and development of a number of archaeological cultures in Eastern and Central Europe, distinctive features of their sites and assemblages of artifacts. New materials which expand significantly the source base used in studies of the cultural and historical processes in Europe at the end of I millennium BC – I millennium AD are introduced in scientific discourse.

ISBN 978-5-94375-227-8

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2017
© Авторы статей (см. содержание), 2017

Погребения с мордовскими подвесками в рязано-окских могильниках

И.В. Белоцерковская (Москва)

Ключевые слова: позднееримский период, Средняя Ока, рязано-окские финны, древняя мордва, могильники, погребения, культурные связи, височные подвески, гривны «азелинского» типа.

Проблемы формирования культуры рязано-окских финнов в позднееримский период неоднократно рассматривались в литературе. К настоящему времени сложилось представление о синкретичном характере этого образования, особенно на первых этапах его сложения. Ряд составляющих погребального мужского и женского инвентаря указывают на существование в разные периоды его ранней истории разносторонних связей с многочисленными культурными группами – от населения Прибалтики, Подонья и Прикамья до черняховской, мощинской, позднедьяковской (в московском варианте) культур, а также поздних сарматов лесостепной полосы (Ефименко, 1926, с. 61–62, 74, 80–84; Ахмедов и др., 2007, с. 133–275; Белоцерковская, Ахмедов, 2009, с. 287–296). Характер этих связей на каждом хронологическом этапе требует дальнейшей детальной разработки.

Взаимодействие окских финнов с ближайшими восточными соседями, этнически родственными древнемордовскими племенами, привлекало внимание исследователей в основном с точки зрения этногенеза последних при анализе групп материалов, характерных, в первую очередь, для Средней Оки либо прилегающих к ней западных и северо-западных территорий. Так, М.Р. Полесских в свое время полагал, что некоторые пензенские могильники (Селикса-Трофимовский, Тезиковский, Степановский) оставлены смешанным с выходцами из низовьев Мокши населением¹, которое он, в конечном счете, считал рязано-окским (Полесских, 1974, с. 19–21). Иначе рассматривает это явление В.В. Гришаков при анализе

некоторых категорий погребального инвентаря в мордовских памятниках: керамики (Гришаков, 1993, с. 108–111), бантиковидных накладок, ранних форм височных колец с лопастью (Гришаков, 2003, с. 20–24), проушных топоров, ажурных литых застёжек, украшений с выемчатыми эмальями (Гришаков, 2011, с. 55–60). Возникновение древностей селикса-трофимовского типа первой половины IV в. он связывает с позднепьяноборско-азелинским влиянием, которое было отмечено рядом его предшественников (Полесских, 1974, с. 19). Позже, в середине IV в., по мнению исследователя, в Примокшанье произошла инфильтрация группы носителей восточнобалтских традиций, которые, возможно, либо вовлекли в свое передвижение какую-то часть рязано-окского населения, либо прожили некоторое время в его среде (Гришаков, 2008а, с. 100–101; 2011, с. 59).

Обратное направление влияния древнемордовского населения на культуру окских финнов пока остается за пределами интересов исследователей. Но известно, что еще в 1926 г. П.П. Ефименко обратил внимание на одну не обычную для носителей культуры окских финнов находку. В погребении 36 раскопанной им части Шатрищенского могильника (р. Ока) была найдена «головная подвеска в виде гранчатого грузика на проволочном изогнутом стерженьке. В ней можно видеть древнейшую разновидность той височной подвески с грузиком, которая так обычна в Тамбовских могильниках» (Ефименко, 1926, с. 81)². К настоящему времени в бассейне Средней Оке известны три такие находки.

¹ Культура этого населения представлена древностями Кошибеевского и Польно-Ялтуновского могильников.

² Речь шла о среднепьяноборских мордовских могильниках более позднего времени.

Шатрищенский могильник, погребение 36. Женское захоронение совершено на дне подпрямоугольной ямы размерами 2,4 м × 0,7 м, ориентировано головой на запад. Подвеска на тонкопроволочном, круглом в сечении стержне, с согнутым и обломанным верхним концом. Грузик бипирамидальный, высотой 1,4 см; основания пирамидок квадратные, со слегка скругленными углами, размерами 0,9 × 0,9 см; длина стержня около 1,8 см. Общая длина сохранившейся части привески 3,2 см. Проволочная обмотка сохранилась только в нижней части стержня. Подвеска найдена справа от головы погребенной (рис. 1: 4).

Сопровождающий инвентарь: круглопроволочная, немного утончающаяся к концам гривна с маленьким раскованным круглым щитком, имеющим отверстие в центре, на одном конце и крючком из обрубленной проволоки, расположенным перпендикулярно плоскости гривны, на другом (рис. 1: 2). Другая, такая же круглопроволочная гривна на одном конце имеет крупный подпрямоугольный раскованный щиток с отверстием у одной короткой грани и чеканным орнаментом в виде полушарной «жемчужины», окруженной точечными вдавлениями, у другой. Размеры щитка – 1,5 × 3 см. Второй конец, как и в первом случае, в виде крючка (рис. 1: 3).

Дротовая пряжка овальной формы, с небольшим утолщением в передней части рамки. Прогнутый короткий язычок с прямоугольной площадкой, орнаментированной у основания крестом (рис. 1: 5). Размеры рамки 1,6 × 2,3 см. В дневнике раскопок П.П. Ефименко на прорисовке без масштаба у этой пряжки показана подпрямоугольная пластинчатая обойма с полосой мелкого «жемчужного» орнамента вдоль длинных сторон (рис. 1: 1) (Ефименко, 1920).

Две застежки-сюльгамы округлой формы изготовлены из довольно широкой пластины (0,4–0,5 см). У одной из них сохранившийся конец по отношению к основной части изделия заметно заужен и свернут в спираль. Внешний край рамки украшен насечками (рис. 1: 6). У второй сюльгамы сужение пластины на концах выражено не так заметно, на обоих краях рамки, внешнем и внутреннем, насечки (рис. 1: 7).

Справа от головы погребенной был поставлен неорнаментированный горшок с плоским дном без закраины, высокими выступающими плечиками и слегка отогнутой шейкой (рис. 1: 8). Рядом находились остатки ожерелья или обшивки головного убора из бус и описанная выше пряжка.

Шатрищенский могильник, мыс 1, погребение 116. По описанию Т.А. Кравченко, это «типично мордовская височная привеска – спиральная³ с бипирамидальным слегка округлым грузиком» (Кравченко, 1974, с. 134). Найдена у правого виска погребенной, лежавшей на дне могилы размерами 2,2 × 0,78 м и ориентированной головой на северо-запад (Кравченко, 1974, с. 163, рис. 27: III; 29).

При погребенной были две проволочные гривны, судя по фото (Кравченко, 1974, рис. 29), описанного выше вида – с раскованным щитком и крючком, «нагрудная бляха с многолопастными ответвлениями», «ажурная бляха с шумящими подвесками», сюльгамы, «маленький спиральный перстенок», золотостеклянные бусы, в ногах – горшок и пряслице (Кравченко, 1974, с. 163, рис. 14: 9, 12; 29, 32)⁴. Ажурная бляха – это застежка с лапчатыми привесками серии 1Б (Белоцерковская, 1999, с. 169, рис. 1: 13), которые, как правило, дополняли головной убор (пример – рис. 3: 6).

Нагрудная бляха, судя по схематичному рисунку (Кравченко, 1974, рис. 14: 9), – округлая с округлым же вырезом в центре, окаймленным полосой ложноплетеного орнамента, от которой отходят 16 секировидных лопастей. Она пристегивалась к одежде при помощи напущенного на основу язычка (подобная – рис. 3: 3).

Могильник Заречье (р. Проня), погребение 131. Яма подтрапециевидной формы размерами 2,34 × 0,57–0,69 м. Женское погребение на дне ямы ориентировано головой на восток; оно потревожено многочисленными кротовинами. Сохранились тлен черепа, фрагменты ребра и тазовой кости. Подвеска с грузиком находилась не на своем первоначальном месте, а слева от груди (?) погребенной. Проволочный стержень обмотан трехгранной в сечении проволокой, его верхняя часть, возможно, была загнута в петлю⁵. Грузик бипирамидальный, высотой 1,05 см; размеры подпрямоугольных со скругленными углами оснований пирамидок 0,7 × 0,9 см, длина стержня 3 см. Общая длина подвески 4,6 см (рис. 2: 3).

На погребенной был головной убор, расширенный золотостеклянным бисером и мелкими бусами красного глухого стекла; очень крупные бусы

³ Имеется в виду спиральное завершение верхней части проволочного стержня (Кравченко, 1974, с. 163).

⁴ В тексте указана еще одна «серповидная бронзовая гривна», но это очевидная ошибка – на схеме погребения и на фото (Кравченко, 1974, рис. 27: III, 29) зафиксированы только две гривны – обе проволочные.

⁵ Завершение стержня сильно корродировано.

непрозрачного стекла относятся, вероятно, к ожерелью. У головы лежали сосуд (рис. 2: 6) и железное шило; в области груди – пряслице, сьюльгама (рис. 2: 4, 7); на пальцах обеих рук – по два спиральных перстня (рис. 2: 1). Судя по коронкам зубов и диаметрам двух перстней (1,5 см), возраст погребенной девушки составлял от 15 до 21 года.

В области шеи и груди находились две однотипные гривны – круглопроволочные с небольшим утолщением в срединной части, концы обмотаны трехгранной в сечении проволокой; замок в виде раскованного ромбовидного щитка с отверстием в центре и крючка, расположенного перпендикулярно плоскости гривны (рис. 2: 2). Третья гривна – «азелинского» типа: массивная, из прямоугольного в сечении дрота с незамкнутыми прямо обрубленными концами, орнаментирована фасетками, чеканным орнаментом и прямыми короткими линиями, перпендикулярными ее окружности (рис. 2: 5).

Округлая пластинчатая сьюльгама (рис. 2: 4) с заметно сужающимися концами – того же вида, что и в погребении 36 могильника Шатрищи.

Рассмотренные комплексы имеют ряд общих черт – сопровождение погребений сосудом, в двух случаях помещенным у головы погребенной; наличие только одной височной подвески; присутствие ряда категорий женских украшений, характерных, в том числе, и для древнемордовских погребальных памятников.

Женские захоронения окского населения сопровождалось сосудами в основной своей массе только до начала периода 3 развития женского костюма, т.е. по начало V в. В связи с этим можно полагать, что рассмотренные погребения были совершены до этого условного рубежа. Уточнение их хронологии затруднено традиционностью входивших в состав костюма элементов, наименее подверженных изменчивости во времени. Более надежной кажется датировка однотипных украшений при наличии соответствующих хроноиндикаторов в составе мужского погребального инвентаря. Однако в качестве жертвенных комплексов в мужские погребения иногда помещали явно пережившие свое время формы женских украшений.

Гривны из гладкой проволоки с небольшим округлым или ромбовидным щитком (Шатрищи, погребение 36) встречаются в рязано-окских древностях на протяжении всего IV – начала V в. (Белоцерковская, 2007, с. 150, 192, табл. 2, рис. 7: 30, 31). В погребальных комплексах они сочетаются с простыми литыми трехлопастными под-

весками к накосякам, не имеющими концевых привесок (Заречье, погребение 107), период бытования которых определяется тем же временем (Белоцерковская, 2007, с. 200, рис. 7: 10; 2010а, с. 198, рис. 11–13). В ряде захоронений последней четверти IV – первой трети V в. (Белоцерковская, 2010б, с. 76–78) они найдены вместе с ранними формами гривен «с коробкой»⁶ небольшого диаметра. В наиболее поздних комплексах такие гривны сочетаются с круглодротовыми браслетами с антропоморфно-зооморфными или хорошо проработанными изображениями головок змеи (?) на концах, получившими широкое распространение уже в период 3 развития женского инвентаря окских финнов – с V в. (Белоцерковская, 2007, с. 195–196, 200, табл. 2)⁷. В погребении 33 этого времени в Заречье зафиксированы даже пятилопастные привески к накосякам развитого вида.

Гривны с крупными раскованными орнаментированными щитками подпрямоугольной формы в среднеокских могильниках представлены всего несколькими экземплярами⁸. Мужское погребение 91 с крестовидной фибулой раннего типа в Борковском могильнике (Спицын, 1901, с. 84, табл. X: 6) отнесено к периоду 3А хронологии мужского инвентаря окских финнов, синхронного центральноевропейскому периоду D1 (Ахмедов, 2007, с. 151, табл. 2). В целом гривны с подпрямоугольными, как и с крупными округлыми щитками⁹ (рис. 3: 2) бытовали в рязано-окской среде предположительно до появления и в начальный период развития гривен с коробками, т.е. в последней четверти IV – первых десятилетиях V в. (Белоцерковская, 2010б, с. 83).

Круглопроволочные гривны с обмотанными проволокой концами и замком в виде раскованного ромбовидного щитка и крючка (Заречье, погребение 131) у окских финнов бытовали преимущественно в период 2а развития женского костюма (Белоцерковская, 2007, с. 192, рис. 7: 32), т.е. в конце III – первой трети или середине IV в. В мужских комплексах они появляются на рубеже III–IV вв. и бытуют, включая третью четверть IV в. (Ахмедов, 2007, с. 142, рис. 7: 10, 13: 7, табл. 1).

⁶ Кораблино, погребение 5, Борок 2, комплекс 222 (разрушенное погребение, добранное А.Н. и А.П. Гавриловыми, в составе комплекса есть вещи, случайно попавшие из других погребений).

⁷ Кораблино, погребения 46, 83; Заречье, погребение 33, Кошибеево, погребение 108 (раскопки А.А. Спицына).

⁸ Шатрищи, погребение 21 (раскопки П.П. Ефименко); Борковский могильник, погребение 91 (Спицын, 1901, с. 84).

⁹ Заречье, погребения 62, 63, Борковский могильник, погребение 107.

Массивные гривны «азелинского» типа из прямоугольного в сечении дрота хорошо известны в окских могильниках¹⁰. В вятских памятниках, с которыми связывают происхождение этого вида украшений, они датируются IV в. (Генинг, 1963, табл. III: 8; Лещинская, 1995, с. 91, рис. 9: 10, 12; 2014, табл. 91: 6). Подобные гривны известны и в женских погребениях Селиксенского (Полесских, 1962, рис. 6: 2) и других раннемордовских могильников группы 3 (Гришаков, 2008б, с. 104, рис. 13: 3), где для них характерны приостренные концы. Комплексы этой группы в настоящее время относят к первой половине IV в. (Гришаков, 2008б, с. 106)¹¹.

В рязано-окских памятниках мужской комплекс 116Б в Заречье, содержащий такую гривну, отнесен к периоду 2В второй половины III – первых десятилетий IV в.¹² (Ахмедов, 2007, с. 150, табл. 1); женские погребения имеют более широкую дату: конец III – первая треть или первая половина IV в. (Белоцерковская, 2007, рис. 8: 15).

Период широкого распространения на Средней Оке ажурных застёжек с привесками серии 1Б, к которой относится находка из погребения 116 Шатрищенского могильника, был в свое время определен концом III – началом IV в. Но отдельные экземпляры могли бытовать и несколько позже, возможно, до середины IV в. Об этом свидетельствует необычное местоположение застёжки в рассматриваемом захоронении – на груди погребенной, куда обычно помещали такие же украшения, но без концевых привесок. В этом комплексе отсутствует и головной убор с дисковидной бляхой, и нагрудная ажурная застёжка без привесок. Похоже, какое-то время рассматриваемое украшение хранилось в семье, и назначение ее со временем было забыто.

Массивные бляхи с трапециевидными или секировидными лопастями хорошо известны в среднеокских¹³ и мордовских памятниках (Гришаков, 2008б, с. 101, рис. 14: 4; 19: 3). Количество лопастей, декор и оформление внутренней части их рамок различны. Чаще всего это очень крупная массивная, трехгранная в сечении или пластинча-

тая скульгама с завернутыми в спираль концами, с гладкой или орнаментированной рамкой, количество лопастей варьирует от 11 до 18 (рис. 3: 3).

Любопытно, что в могильнике Большое Давыдовское II в Суздальском Ополье, оставленном, очевидно, группой рязано-окского населения, мигрировавшего сюда около второй половины III – начала IV в., на массивной бляхе, имеющей трехгранную в сечении рамку с несомкнутыми концами, было всего 5 трапециевидных лопастей, расположенных на большом расстоянии друг от друга (Зайцева, 2011, рис. 4: 9). Из этого же памятника происходит один из вероятных прототипов подобных застёжек – подковообразная фибула, также с трехгранным сечением обода, с округлыми дисками на концах, на которые нанесен крестовидный (эмалевый) узор, и тремя отлитыми вместе с фибулой секировидными выступами-лопастями, имитирующими привески с петлями (Макаров, 2010, с. 73, рис. 10). И.Р. Ахмедов относит ее к поздней разновидности фибул с эмалью и связывает подобные находки с влиянием мощинской культуры (Ахмедов, в печати, рис. 5: 16; 7: 15).

В мордовских древностях многолопастные бляхи датируют IV – первой половиной V в. (Гришаков, 2008б, с. 106, 113). Со временем эти застёжки на Средней Оке, как и у населения мордвы, трансформировались в пластинчатые нагрудные бляхи с круглым вырезом в центре и вырезами разных конфигураций на плоскости (рис. 3: 9). Время максимального распространения многолопастных блях у окских финнов приходится на конец периода 2а – период 2б развития женского костюма, т.е. на середину IV – начало V в. (Белоцерковская, 2007, с. 200, рис. 8: 42). Погребение 72 в Кораблино с двумя многолопастными бляхами И.Р. Ахмедов относит к периоду 2С, т.е. ко второй – третьей четвертям IV в. (Ахмедов, 2007, схема 2: 35). Но судя по взаимовстречаемости этих украшений с литыми трехлопастными привесками простых форм¹⁴, время бытования этих блях несколько шире – весь IV в. без его начальных десятилетий (Белоцерковская, 2007, рис. 7: 10; 8: 8).

Рассмотренная выше овальная пряжка с коротким прогнутым язычком, имеющим декорированную крестом прямоугольную площадку у основания, близка одному из экземпляров из комплекса 75 могильника Кораблино (Ахмедов, 2007, с. 143, рис. 15: 16, табл. 1) периода 2С по И.Р. Ахмедову (вторая – третья четверти IV в.). Очень похожая

¹⁰ Шатрищи, погребения 11, 28 (раскопки П.П. Ефименко); Кораблино, погребение 33а, Заречье, погребение 116Б.

¹¹ Судя по экземплярам из окских комплексов, орнаментальные композиции на этих гривнах нестандартны, хотя и образованы одинаковыми элементами.

¹² Дата периода 2С, а соответственно и верхняя дата предшествовавшего ему периода 2В уточнены в одной из последних работ (Ахмедов, Воронцов, 2012, с. 16).

¹³ Шатрищи, погребение 13 (раскопки П.П. Ефименко), Кораблино, погребения 6а, 72, Заречье, погребения 110, 134, Кузминский могильник, погребение 2 и др.

¹⁴ Заречье, погребение 110.

пряжка, но с более массивными округлой рамкой и язычком вместе с гривной «азелинского» типа происходят из детского погребения 33а в Кораблино (рис. 3: 5).

Пластинчатые округлые сюльгамы с зауженными и свернутыми в спираль концами из погребений 36 могильника Шатрищи и 131 в Заречье относятся к серии Б1Б пластинчатых застежек, время их максимального распространения на Средней Оке приходится в основном на IV в. без его начальных десятилетий (Белоцерковская, 2015, с. 113).

Сосуд из погребения 36 Шатрищенского могильника принадлежит серии 7 керамики центральной группы среднеокских могильников. Такие формы появляются в IV в., но наибольшее распространение получают позже – в V в. Сосуд из погребения 131 в Заречье отнесен к более ранней серии 2, бытовавшей в III–IV вв. (Румянцева, 2007, с. 246, 247, 254, 255, рис. 3: 9; 18: 1).

Мордовские височные подвески «со стерженьком» с биконическим грузиком хорошо известны в могильниках селиксенского типа II–IV вв. (Полесских, 1959, с. 205, 207). На следующей стадии развития в IV–V вв. грузик стал бипирамидальным, в виде двух сложенных основаниями друг к другу четырехгранных пирамидок, которые в дальнейшем удлиняются (Полесских, 1959, с. 207; 1966, с. 270; Вихляев, 1977, с. 6–7). Эта схема развития мордовских височных подвесок с грузиком актуальна и в настоящее время. Полагают, что первые «ограниченные бипирамидальные грузики на простом стерженьке, обмотанном проволокой сегментовидного сечения» и свернутом в два – три витка на верхнем конце (длина стержня до 3,5 см), появляются в период 3 хронологии ранних мордовских древностей (первая половина IV в.); в последующий период 4 (вторая половина IV – начало V в.) они получают широкое распространение (Гришаков, 2008б, с. 97, 107, 109, рис. 15: 6, 18: 11). Ширина основания пирамидок грузиков периода 4 составляет 0,9–1 см, что сближает их с привесками из погребений 36 Шатрищенского могильника и 131 из Заречья.

Необходимо отметить, что в погребениях древней мордвы эти височные подвески находят парами или, как в описанных случаях, в одном экземпляре¹⁵ (Полесских, 1966б, с. 280, 290; 1974, с. 21, 22).

Приведенные выше комплексы с мордовскими подвесками можно рассматривать в рамках периода 2б развития женского костюма: второй трети

IV–рубежа IV–V вв. Это этап активного формирования женского костюма, смены составляющих его элементов, причем не одномоментной и не одновременной на разных памятниках. Уходят в прошлое, но еще используются головные уборы с пластинчатыми бляхами и височными кольцами с лопастью (рис. 3: 4, 8), бляхи – многолопастные и с круглым вырезом в центре, преимущественно с железной иглой (рис. 3: 9); железные гривны с проволоочной обмоткой и бусами из бронзы, массивные обрубленноконечные гривны, ажурные застежки серии 1 (рис. 3: 6, 7), прямоугольные в сечении массивные «азелинские» гривны и изготовленные по их подобию браслеты (рис. 3: 1) и т.д. Вместе с тем появляются и на протяжении IV–начала V в. получают распространение пластинчатые браслеты, височные и накосные литые лопастные украшения, новые типы гривен и пр. (Белоцерковская, 2007, рис. 7; 8). Длительность бытования и смена одних украшений другими в разных районах ареала окских финнов зависела, вероятно, от уровня активности населения и характера местных обычаев. Например, на западной окраине культуры, в могильнике Кораблино, нагрудные бляхи с крышками ранних форм начала V в. нередко оказывались в составе жертвенных комплексов женских украшений в мужских погребениях периода D3 (Ахмедов, 2007, табл. 2, рис. 26: 24).

Более узкой датой совершения захоронений с мордовскими височными подвесками, вероятно, можно считать середину – вторую половину IV в. Наиболее ранними из них являются погребение 131 в Заречье и, возможно, захоронение 116 Шатрищенского могильника. В этом ряду комплекс 36 того же памятника представляется наиболее поздним.

По составу инвентаря и обряду погребения это типично рязано-окские комплексы, происходившие из расположенных на небольшом – не более 20 км – удалении друг от друга памятников. Единственное, что отличает их от остального массива окских могильников – это тип височных подвесок, как известно, одного из наиболее консервативных элементов женского костюма¹⁶. В связи с этим можно с некоторой осторожностью предположить, что погребенные с мордовскими подвесками могли быть выходцами с древнемордовской территории (матримониальные связи?), и вместе с ними на Среднюю Оку поступила какая-то часть материалов прикамского облика.

¹⁵ Селикса-Трофимовский могильник, погребение 7; Тезиково, погребения 5, 49.

¹⁶ Тем не менее известны случаи совместного использования этнографически разных привесок в одном уборе: в погребении 22 Тезиковского могильника типично мордовские подвески с грузиками дополнены лопастными височными привесками «окского» типа (Полесских, 1966, с. 284–285).

В древнемордовских материалах группы 3 первой половины IV в., по мнению некоторых исследователей, просматривается восточное (позднепьяноборско-азелинское) влияние, которое предположительно является отражением малой миграции в пределах региона (Гришаков, 2008а, с. 101). В мужском инвентаре окских могильников предметы прикамского облика, включая пряжки азелинского и мазунинского типов, появляются в период 2В второй половины III – первых

десятилетий IV в. и продолжают использоваться в последующий период 2С (Ахмедов, 2007, с. 142, 143). Столь длительное их бытование на этапе достаточно активного формирования традиционного костюма трудно объяснить только присущей ему консервативностью. Скорее всего, восточные инокультурные элементы поступали на Среднюю Оку неоднократно, рассмотренные же комплексы документируют лишь один из таких эпизодов.

Литература

Ахмедов И.Р., 2007. Рязано-окские могильники. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 137–185.

Ахмедов, в печати. Находки круга восточно-европейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в.н.э.). М.: ИА РАН

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Румянцева О.С., 2007. Рязано-окские могильники // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 133–175.

Ахмедов И.Р., Воронцов А.М., 2012. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 9–54.

Белоцерковская И.В., 1999. Ажурные застежки из могильника Кораблино // Забелинские научные чтения 1995–1996 гг. (Труды ГИМ. Вып. 103) / Ред. В.Л. Егоров М.: ГИМ. С. 154–176.

Белоцерковская И.В., 2007. Рязано-окские могильники. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–212.

Белоцерковская И.В., 2010а. Литые подвески к наколкам из рязано-окских могильников // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: «Александрия». С. 194–203.

Белоцерковская И.В., 2010б. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 75–100.

Белоцерковская И.В., 2015. Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 107–131.

Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р., 2009. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н.э. // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н.А. Макаров М.: ИА РАН. С. 283–298.

Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов, Н.Ф. Мокшин. Саранск: Мордовский гос. университет. 97 с.

Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов (ВАУ. Вып. 5) / Ред. А.Ф. Медведев. Ижевск; Свердловск: УдмГУ, УдмРКМ. 182 с.

Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола: МарГУ. 1993. 204 с.

Гришаков В.В., 2003. Два головных убора с верхнеокскими элементами из Абрамовского

могильника // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: проблемы хронологии и этнической истории. Тезисы докладов 11 межрегиональной конференции / Ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ. С. 19–26.

Гришаков В.В., 2008а. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточно-европейской лесостепи. Сборник материалов II Международной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи», посвященной 100-летию со дня рождения М.Р. Полесских / Ред. В.В. Ставицкий. Пенза: ПГКМ. С. 99–105

Гришаков В.В., 2008б. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО. С. 82–137.

Гришаков В.В., 2011. Погребение с топором мощинского типа на Усть-Узинском 2 могильнике в Верхнем Посурье // Поволжские финны и их соседи в древности и в средние века. 3-я Всероссийская научная конференция. Материалы / Ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ. С. 55–60

Ефименко П.П., 1920. Раскопки могильника близ с. Шатрицы Спасского уезда Рязанской губ. Сентябрь–октябрь 1920 г. / Научный архив РИАМЗ. № 65.

Ефименко П.П., 1926. Рязано-окские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии (Труды этнографического отдела ГРМ. Т. III. Вып. I). Л.: ЭОГРМ. С. 59–84.

Зайцева И.Е., 2011. Цветной металл из погребений могильника эпохи переселения народов Большое Давыдовское II // Археология Владимиро-Суздальской земли (Материалы научного семинара. Вып. 3) / Ред. Н.А. Макаров М.: ИА РАН; СПб.: «Нестор-История». С. 17–29.

Кравченко Т.А., 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли / Ред. А.Л. Монгайт М.: ИА АН СССР. С. 116–183.

Лещинская Н.А., 1995. Хронология и периодизация могильников р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ. С. 88–123.

Лещинская Н.А., 2014. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27 / Ред. Ф.Н. Широбокова. Ижевск. 472 с.

Макаров Н.А., 2010. Финские древности первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье // Институт археологии: Новые полевые исследования / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 70–73.

Полесских М.Р., 1959. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. № 4. С. 202–211.

Полесских М.Р., 1962. Пензенские могильники мордвы IV–V вв. // СА. № 4. С. 179–188.

Полесских М.Р., 1966. Тезиковский могильник IV–V вв. // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР (Труды МНИИ-ЯЛИЭ, Вып. XXX) / Ред. В.С. Ивашкин. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 268–296.

Полесских М.Р., 1974. Новые памятники древнейшей мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии (Труды МНИИЛЯИЭ. Вып. 45) / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское книжное изд-во. С. 12–32.

Румянцева О.С., 2007. Рязано-окские могильники. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 246–272.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Вып. 25. СПб.: ИАК. 149 с.

The burials with Mordovian pendants in Ryazan-Oka cemeteries

I.V. Belotserkovskaya (Moscow)

Key words: late Roman period, Middle Oka, Ryazan-Oka Finns, ancient Mordovians, cemeteries, burials, cultural relations, temple pendants.

The article considers three female burials of the late Roman period from the Finnish cemeteries Shatrishchi and Zarechye in the Middle Oka basin. Each of them contained a temple pendant with a bipyramidal “weight” on a small wire rod wrapped around by a wire. The composition of the grave goods also consisted of different types of torques, massive multilobed chest plate, open work brooch with claw shaped pendants, oval buckle with a bended tongue with a rectangular ledge at its bottom ornamented with an engraved sidelong cross; beads, finger-rings, plate penannular fibulae, spindle-whorls, and a pottery vessel in each goods (fig. 1; 2).

Almost all the types of the torques, lobate plates and penannular fibulae with tight ends are familiar to the Middle Oka population as well as to the ancient Mordovian culture of the time period in question. The exceptions are the torques of the type represented in fig. 1: 3 and vessels which are typical of only the burials of Middle Oka. Temple pendants with ‘weights’ of different shapes are considered to be an ethnic feature of the female attire of the ancient Mordovians. These women buried on Middle Oka in the second half of the 4th c. might have been originated from the neighbor eastern territories settled by ancient Mordovians. Probably, one of the factors of the appearance of the adornments typical for the attire of the Kama region population (fig. 2: 5) connected here to those women.

Translated by I. Grigoryan

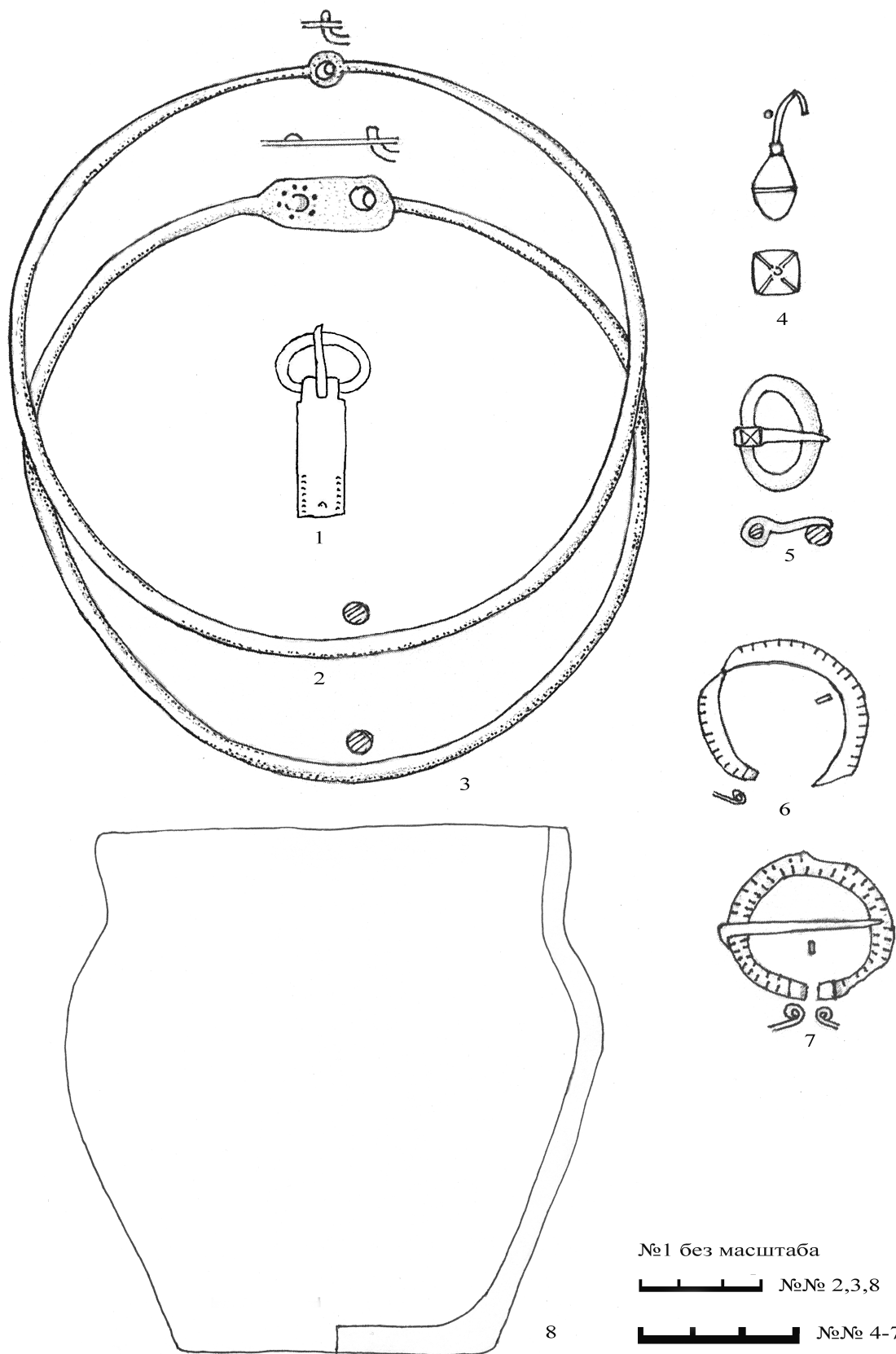

Рис. 1. Инвентарь погребения 36 Шатрищенского могильника
 1 – пряжка; 2, 3 – гривны; 4 – подвеска височная; 5 – пряжка; 6, 7 – сьюльгамы; 8 – сосуд.
 1–7 – бронза; 8 – глина.

1 – по: Ефименко, 1920; 2–8 – рисунки А.В. Коряка.

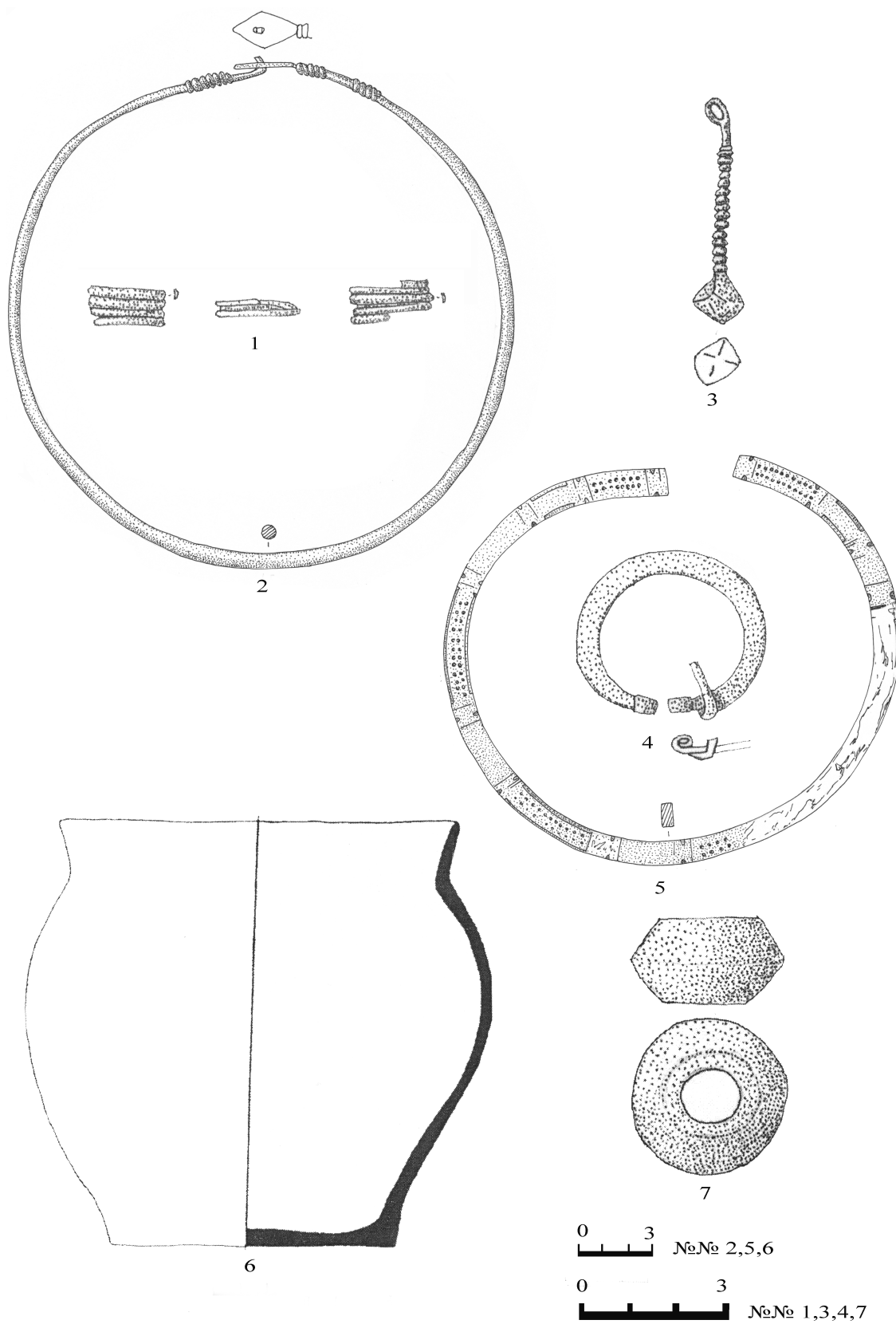

Рис. 2. Инвентарь погребения 131 могильника Заречье.
 1 – перстни; 2, 5 – гривны; 3 – подвеска височная; 4 – сьюльгама; 6 – сосуд; 7 – пряслице.
 1–5 – бронза; 6, 7 – глина.

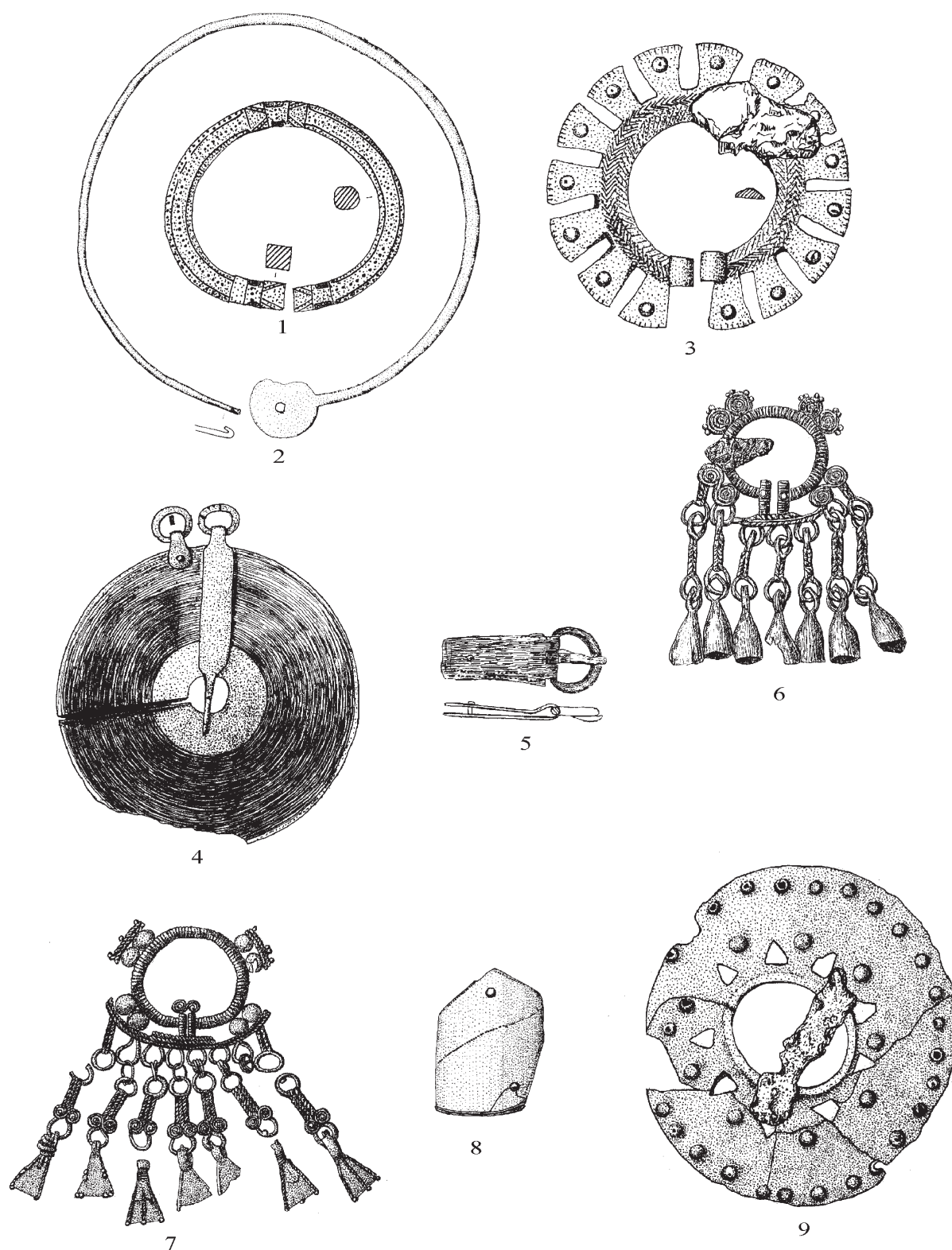

Рис. 3. Предметы из рязано-окских могильников.

1 – браслет; 2 – гривна; 3 – бляха многолопастная; 4 – бляха головного убора; 5 – пряжка; 6, 7 – застёжки ажурные, 8 – кольцо височное, 9 – бляха нагрудная. 1–9 – бронза.

1–4, 6–9 – Заречье, погребения 120, 63, 110, 203а, 57, 146, 77, 243;

5 – Кораблино, погребение 33а. Без масштаба.

Содержание

От редакторов	7
Терпиловский Р.В. К 60-летию Андрея Михайловича Обломского	9

Археологические общности и этнокультурные процессы

Дробушевский А.И. Зарубинецкая культура и культура Ясторф	17
<i>Drobushevskiy A.I. The Zarubintsy culture and the Jastorf culture</i>	24
Терпиловский Р.В., Жаров Г.В. Проблемы исследования памятников типа Харьевка	27
<i>Terpilovskiy R.V., Zharov G.V. Problems of studying the sites of Kharyevka type</i>	34
Любичев М.В. Поселение Боромля 2 и культурно-хронологические горизонты позднеримского времени в Днепро-Донецкой лесостепи	39
<i>Lyubichev M.V. The settlement of Boromlya 2 and cultural-chronological horizons of the late Roman time in Dnieper-Donetsk forest-steppe</i>	47
Гавритухин И.О. К атрибуции славянских памятников V–VII веков на Южном Буге	51
<i>Gavritukhin I.O. On the attribution of the Slavic sites of the 5th–7th centuries in the Southern Bug region</i>	59
Лопатин Н.В. О тушемлинской и колочинской культурах	63
<i>Lopatin N.V. On the Tushemlya and Kolochin cultures</i>	68
Приймак В.В. Некоторые аспекты дискуссии об этнокультурном переломе на Днепровском Левобережье	70
<i>Prijmak V.V. Some aspects of the discussion on ethnocultural turning-point on the Left Bank of the Dnieper region</i>	78
Исланова И.В. О культурных трансформациях раннесредневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе	82
<i>Islanova I.V. On the cultural transformations of the early Middle Ages antiquities on Volga-Baltic interstream area</i>	85
Шнеевайсс Й. Керамика как свидетельство идентичности и культурного трансфера? Саксонская и славянская керамика VIII–X вв. в Нижнем Поэльбье	90
<i>Schneeweiß J. Keramik als Zeugnis von Identität und Kulturtransfer? Das Beispiel der sächsischen und slawischen Keramik vom 8.–10. Jh. im unteren Elbgebiet</i>	99

От археологических данных к историческим реконструкциям

Кулаков В.И. Происхождение некоторых элементов погребального обряда эстиев	103
<i>Kulakov V.I. The origin of some elements of the funeral rite of the Aesthians</i>	109
Фурасьев А.Г. О некоторых параллелях в погребальной обрядности «царских» гробниц Боспора III–IV вв. и «княжеского» захоронения Концешти	114
<i>Furasyev A.G. On some parallels in the burial rite of Bosphorus leader's tombs of 3rd-4th cc. and the "prince" grave of Concești</i>	122

<i>Медведев А.П.</i> Еще раз о сарматах-лимигантах. Взгляд из Сарматии (к дискуссии с юбилеем).....	124
<i>Medvedev A.P.</i> Sarmatians-Limigantes revisited. The view from Sarmatia (to the discussion with the hero of the anniversary)	130
<i>Акимов Д.В.</i> Структура и иерархия верхнедонских поселений эпохи Великого переселения народов.....	133
<i>Akimov D.V.</i> The structure and hierarchy of the Upper Don settlements of the Migration period.....	138

Вещевой и керамический комплекс: хронология, распространение, производство

<i>Коковский А.</i> О ребристых бусах (тип ТМ-171) в центрально- и североевропейском Барбарикуме	142
<i>Kokowski A.</i> Zu den sog. Melonenperlen – bspw. vom Typ ТМ.171 – im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum	148
<i>Хомякова О.А.</i> Фибулы-броши в культурах Восточной Балтии	149
<i>Khomiakova O.A.</i> Disc brooches in the East Baltic cultures.....	156
<i>Битнер-Врублевска А.</i> Невеста издалека? Импортный браслет из Кживулки под Сувалками (северо-восточная Польша).....	161
<i>Bitner-Wróblewska A.</i> A fiancée from abroad? An imported bracelet from Krzywólka near Suwałki (north-eastern Poland).....	169
<i>Макушников О.А., Радюш О.А.</i> Вещи круга выемчатых эмалей из Гомельского Поднепровья.....	173
<i>Makushnikov O.A., Radyush O.A.</i> Objects in the champlévé enameling style from the Gomel region (Dnieper basin).....	180
<i>Тавлинцева Е.Ю., Кренке Н.А.</i> Клад с городища Алтухово.....	184
<i>Tavlintseva E.Y., Krenke N.A.</i> Hoard from Altukhovo hillfort	191
<i>Румянцева О.С.</i> Рифленые формы и находки рифленого стекла с поселения черняховской культуры Комаров: к вопросу о хронологии и видах продукции стекольной мастерской.....	193
<i>Rumyantseva O.S.</i> Dip moulds and ribbed glass from the Komarov settlement: on the issue of the chronology and production of the glass workshop	200
<i>Шультце Э.</i> Керамика с чеканно-штампованным орнаментом в Войтенках 1: к вопросу о производстве гончарной посуды в черняховской культуре.....	205
<i>Schultze E.</i> Keramik mit Stempelverzierung aus Vojtenki 1. Zur Frage der Herstellung von Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur.....	210
<i>Трифуневич С.</i> Керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, в культуре лимигантов	215
<i>Trifunovich S.</i> Pottery made on a hand-rotated wheel in the culture of the Limigantes.....	222
<i>Белоцерковская И.В.</i> Погребения с мордовскими подвесками в рязано-окских могильниках	224
<i>Belotserkovskaya I.V.</i> The burials with Mordovian pendants in Ryazan-Oka cemeteries.....	231

<i>Ахмедов И.Р., Биркина Н.А.</i> Шлемы из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение)	235
<i>Akhmedov I.R., Birkina N.A.</i> Helmets from the cemetery of the Ryazan-Oka Finns near the village Tsaritsyno (preliminary report).....	243

Новые археологические материалы

<i>Белевец В.Г.</i> Результаты разведочных работ на поселении Мерчицы 2 и перспективы изучения памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в белорусском Полесье	249
<i>Beljavec V.G.</i> The results of survey at Mierčycy 2 settlement. On the prospects of study on the sites of the Roman period and the beginning of the Migration period in Belarusian Polesye	258
<i>Храпунов И.Н.</i> Комплекс с перекладчатой фибулой и диким лесным котом из могильника Нейзац	262
<i>Khrapunov I.N.</i> Burial with a Cross-Barred Fibula and a Forest Wildcat from the Cemetery of Neizats	265
<i>Магомедов Б.В., Милашевский А.С.</i> Погребение 68 черняховского могильника Легедзине в Черкасской области	273
<i>Magomedov B.V., Milashevskiy A.S.</i> Grave 68 on the Legedzine cemetery of the Chernyakhov culture in the Cherkassy region.....	280
<i>Земцов Г.Л., Разуваев Ю.Д., Уваркин С.В.</i> Городище скифского и гуннского времени у с. Мухино в правобережье Верхнего Дона.....	285
<i>Zemtsov G.L., Razuvaev Yu.D., Uvarkin S.V.</i> Hillfort of the Scythian and Hun periods near the village Mukhino on the right bank of Upper Don	289
<i>Воронцов А.М., Столяров Е.В.</i> Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте города Тулы	298
<i>Vorontsov A.M., Stolyarov E.V.</i> Settlement Upa 2 of the Hun period in the city of Tula.....	303
<i>Сташенков Д.А., Салугина Н.П.</i> О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника)	311
<i>Stashenkov D.A., Salugina N.P.</i> On the cremations of the Khazar period in the Samarskaya Luka of Volga (a case study of Zhigulevskii II burial ground).....	317
<i>Сведения об авторах</i>	326
<i>Список сокращений</i>	329
<i>Содержание</i>	332
<i>Иллюстрации</i>	335